

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Печатаем третью главу коллективной повести-летописи о завоевании и становлении Советской власти на Алтае. Первые главы напечатаны в №№ 156—158 и 171—173 «Алтайской правды».

Затишье бывает обманчивым. В душевной теплоте чувствуется, как скапливаются электрические заряды. Пусть еще безоблачно небо, но барометр угрожающе падает, обещаая близкую грозу.

Не все чувствовали ее и ждали. В 1911 году тон барнаульских газет «Жизнь Алтая» и «Алтайская газета» свидетельствовал об успокоении и полном благодушии властей, буржуазии и ее приспешников.

Первые страницы пестрили сногсшибательными рекламными. Торговый дом «Морозов с сыновьями» с упоением превозносил знаменитую виноторговую фирму: «Нежинская рибина Шустова — несравненная». К пышному столу рекомендовались всевозможные балыки, разная икра, аччоусы и другая изысканная снедь. Пимокатам и ремесленному люду было не до деликатесов — обходились требующей.

Богачи чувствовали на себе хмурые взгляды «черни», но не придавали им значения. Кутили, как перед последним днем.

В театрах-косморомах «Иллюзиона», «Триумф», в Народном доме и городском Общественном собрании* шли картины и представления с интригующими названиями, вроде «захватывающих» драм «Бесстрашная американка», «Без исхода», «Рабья гарема», «Ванька-ключник» или пустые водевили «Левочка сегодня наказана», «Как тетюшке удалось выйти замуж», «Утопленник в чемодане».

В один из летних дней по улице Мало-Тобольской** неторопливыми шагами, раздумывая о чем-то, шли двое. Когда проходили мимо

* Угол Социалистического проспекта и улицы Короленко. Теперь здесь хлебозавод.
** ул. Льва Толстого.

В этом домике жил Михаил Ярков. Здесь собирались члены Барнаульского комитета РСДРП.

НАКАНУНЕ

П. БОРОДКИН.

гостиницы «Россия», молодой мужчина в белой косоворотке, перехваченной черным пояском, предложил своему спутнику:

— Можете, здесь и остановиться?..

Спутник взглянул на приветливую вывеску, вспомнил, как газета расхваливала вновь открывшиеся номера: «Господам, приезжающим в Барнаул, рекомендуется останавливаться в гостинице... Чисто, уютно, спокойно. Обеды из свежей провизии...».

— Нет, Архип Андреевич, во всех отношениях такое убежище не для нас...

— Пожалуй, — согласился Архип Селезнев, барнаульский пимокат-революционер. Его спутником был только что приехавший в Барнаул томский большевик Иннокентий Стуков (Искаров). Цель приезда Стукова одна — помочь восстановить в Барнауле организацию РСДРП.

Устроившись на квартиру, Стуков работал не спеша, исподволь, зорко присматриваясь к людям. Мало-помалу организовались революционный кружок. В него вошли Архип Селезнев, Михаил Ярков, его сестра Варя, Семен Елисеев, Петр Тузовский, сестры Третьяковы — Ираида и Нина.

Все чаще собирались на квартире Архипа Селезнева или в маленьком домике Ярковых на улице Большой Змеёвской*. Хозяин поставит самовар, либо возьмет колоду карт — перекинуться в подкидного. Будто собирались знакомые на именины или просто так, скоротать вечерок. Но вот отодвинет Стуков чашку чая, отложит карты, привычно спросит:

— С чего начнем сегодня?

Собрание оживлялось. Читали и разбирали произведения русских классиков, чтобы лучше понять жизнь. С жадностью доискивались первоисточники социальной несправедливости, изучали марксистскую политэкономку.

Некоторое время спустя возникли другие такие же кружки в отдаленной части города и при читальном комитете производственного кооператива «Труженики».

Кружковцы понесли в массы слова большевистской правды.

Михаил Ярков был свой человек у водников. Еще в 1907 году он возглавлял их забастовку. А у Архипа Селезнева прочные связи с пимокатами. Строители с интересом слушали маляра и штукатура Петра Тузовского, а сестры Третьяковы были всегда желанными гостями у оппозиционно настроенной части интеллигенции.

Под воздействием революционной пропаганды вскоре заговорили рабочие. Не так громко, как бывало, но столь известно, что ушли охранки без труда уловить знакомые нотки недовольства существующими порядками.

Усилилась агентурная слежка. Вскоре было установлено, что «крамола» исходит от некоего Стукова. Но и Стуков, опытный кон-

спиратор, почувствовал повышенное внимание жандармерии и полиции. Накануне ареста он внезапно исчез из Барнаула. Его примеру последовали некоторые активные кружковцы, другие же на время притихли.

Время работало на революционеров-энтузиастов.

В конце лета 1912 года уехавший в Томск Архип Селезнев возвратился в Барнаул, и не один. С ним приехал бежавший из нарымской ссылки большевик. Барнаульские подпольщики сначала знали его под именем Ивана Алексеевича Тяпкина. На самом деле это был Иван Вонифатьевич Присягин, видный профессиональный большевик, член партии с 1904 года.

В 1911 году в Лояжюмо (Франция) Ленин создал партийную школу. Партийные организации в России производили тщательный отбор слушателей в ленинскую школу. В их число от Московской организации большевиков вошел Иван Присягин. Он был хорошим, душевным товарищем, снискал любовь слушателей и стал старостой школы.

В этой школе учился и видный деятель нашей партии Серго Орджоникидзе.

Глубоко впитал в себя Присягин ленинскую науку из уст великого вождя. И не только науку. Характер бойца-революционера выковывался тоже под воздействием Ленина.

После успешного окончания школы Присягин снова в Москве. Кипучую деятельность по подготовке к Пражской конференции большевиков прервал арест и ссылка в далекий Нарымский край.

2.

Жандармский ротмистр Коробачков был не на плохом счету у своего начальства. Он отличался тонким профессиональным чутьем, будничной хваткой и хитростью ума.

Еще несколько месяцев назад ротмистр узнал о том, что в Барнауле существует социал-демократическая организация. Узнал и принялся до тошноты и терпеливо собирать сведения о ней. Для этого разработал хитроумную систему слежки. Собирая донос за доносом, ротмистр довольно потирал руки:

— Заседаете? Знаем-с. Прокламацию подписываете? Знаем-с! Потрясите основы государства затеываете? А мы вас в левую руку сожжем, вот так-с, а правой прихлопнем.

Приезд Присягина внес заметное оживление в ряды барнаульских большевиков.

Сентябрьским вечером к скромному домику на улице Большой Змеёвской поодиночке подходили люди. Прежде чем открыть калитку во двор, останавливались, будто любуясь осенней красотой. В свете закатного солнца золотились наутинки. Медленно кружились в воздухе желтые и багряные листья. На тихой улице — ни души. Убедившись в безопасности, люди исчезали во дворе.

Гостеприимный хозяин Михаил Ярков радушно встречал вошедших, усаживал за стол, накрытый для чаепития. В маленькой кухне уже кипел ведерный самовар.

Хозяин закрыл дверь, коротко оновестил:

— Все в сборе...

Сел на край скамьи и стал немым среди собравшихся.

Так 7 сентября 1912 года началось заседание Барнаульского комитета

РСДРП. Вопросы обсуждались немногословно, деловито. Когда речь зашла об участии партийной организации в предстоявших выборах в IV Государственную думу, слово взял Присягин. Незадолго перед этим его кооптировали в состав комитета.

— Надо приложить все силы, чтобы социал-демократические кандидаты в депутаты Думы получили абсолютное большинство голосов. Законы, принятые предшествующи-

одиночке. Член комитета Ефим Крутиков, весельчак и балагур, залпом опорожнил чашку остывшего чая.

— Вот как наши умеют.

Сказал и рассмеялся, а в глазах будто льдины кололечие.

Настали дни напряженной работы. Чтобы печатать прокламацию, нужно было иметь подпольную типографию. По винтику добывали оборудование. Федор Ильиних оказался героем. Хотя и трудно было, и

объездчиком, и его усадьба находилась при спуске из деревни Бельмессовой на приобские дуга. Там и была типография. Петр Ильиних сам возил туда припрятан на лошадах.

17 сентября 1912 года снова заседание Барнаульского комитета РСДРП. Собрались, чтобы прочитать три варианта предвыборных прокламаций. Лучшей признали ту, которую написал Присягин. Не только по стилю, но и по политической остроте. Она заканчивалась революционными призывами:

«Долой паразитов! Долой самодержавие! Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!».

Член комитета Михаил Ярков получил задание — отпечатать в типографии 300 экземпляров прокламации. Глухой ночью Михаил верстал прокламацию вместе с наборщицей Ираидой Третьяковой.

И вот они, пахнущие типографской краской, шестят в руках членов комитета. У всех приподнятое настроение. Комитет действует! Комитет несет идеи партии в народ!

Не знали члены комитета только одного, что в это самое время ротмистр Коробачков с довольной улыбкой читал фотоконию присягинской прокламации. Кто-то тонко сработал. Выграв подлинник прокламации для снятия фотоконии и незаметно вернул обратно. Такое мог сделать только человек, посвященный во все дела комитета. Но кто?

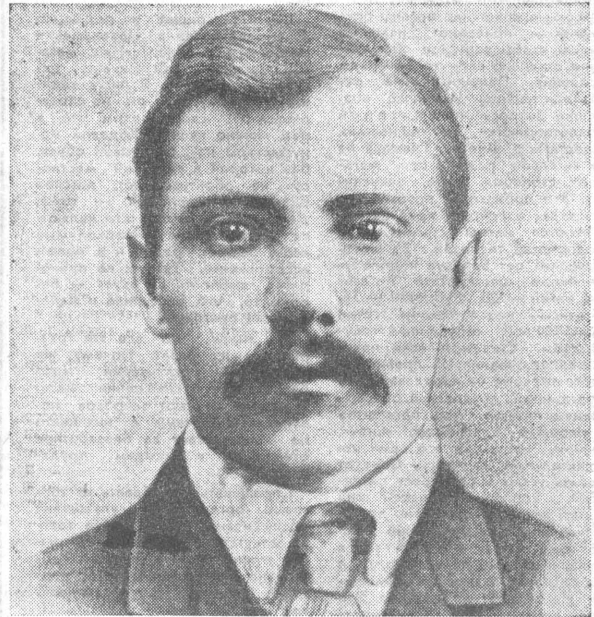
Не прошло и двух дней, как нагрянула беда. Полиция арестовала всех членов Барнаульской партийной организации.

Ротмистр не скрывал радости по случаю происшедшего. В числе арестованных был и ученик ленинской школы Иван Присягин, которого полиция обнаружила на квартире Архипа Селезнева.

А провокатором оказался Ефим Крутиков. Он давно был связан с жандармерией, но сначала ротмистр возлагал на него слабые надежды. В своих доносесных начальных давал нелестный отзыв: «Парень этот человек недалекий и простоватый, не думаю, чтобы он мог пользоваться большим доверием в организации». А он вон как себя показал, Ефим Крутиков! Чем не нуда!

После полного провала барнаульская организация долгое время не могла подняться на ноги...

(Окончание в следующем номере).

И. В. ПРИСЯГИН.

ми Думами, ничего не дали рабочим и крестьянам, но думская трибуна дает возможность большевикам в открытую разоблачать антинародную политику царизма...

Решение приняли конкретное: составить прокламацию к избирателям от имени Барнаульского комитета РСДРП. Выполнить это задание поручили трем членам комитета — каждому порознь. В их числе был и Присягин.

С заседания уходили также по-

рискованно, а обеспечил типографию прифтом.

За шесть дней типография была готова. Разместилась она в укромном месте, мало приметном для постороннего взгляда.

До сих пор считали, что типография была устроена в бане на усадьбе крестьянина Климента Просекова в окрестностях Ерестной. Но живущий сейчас в Барнауле брат Федора Ильиних Петр вносит существенную поправку. Ерестинский крестьянин Просеков был луго-

НАКАНУНЕ

3.

Война... Известие о ней на Алтае было воспринято по-разному. Представители властей, упитанные буржуа ходили грудью навывкат. На лицах — выражение строгой торжественности и важности. «Мы защитники нашей святой матушки-России!», — церемонно говорили купцы и лабазники и в избытке патристических чувств шли жирно и вкусно кушать.

Священники с церковных амвонов до хрипоты кosterили распроклятого «ермандя» и призывали на его голову небесные громы и молнии.

А у простого народа на лицах недоумение и тревога.

Война...

На сборных пунктах проливались реки слез. Горько причитали женщины, расставаясь с мужьями и сыновьями, и эти причитания жутко сливались с заунывным треньканьем балалаек, хватающими за душу взрыдами гармошек.

Алеха появился в самой гуще новобранцев. Беспалую руку вперед, напоказ выставлял — перед зелеными, необстрелянными новобранцами гордился немало боевой меткой. Случай подходящий выпал — Алеха начинал глубокомысленно поучать:

— На войне, паря, самое главное — не робеть.

Офицер заметил — турнул Алеху. — Шляешься тут, смущаешь солдат своим калечеством.

У Народного дома подвыпивших призывников оцепило плотное людское кольцо. С истощенным гиканьем в ликом перебежало носился по кругу маленький и кругленький, как колобок, новобранец. Гармонист едва попевал за ним пальцами по клавишам. Плясун и дело сыпал неуклюжими импровизированными припевами.

— Нам ерманец пипочем.

Мы его в войне побьем!

Вот так, барыня! Вот, сударыня!..

Городской голова, крупный чинов-

Окончание. Начало в № за 12 сентября.

ник Алтайского округа Лесневский, увидев эту сценку, разошел от уловистости. Он не презиннул заявить гласным городской думы о «небывалом патристическом подъеме простого народа». Экстренное заседание городской думы послало телеграмму самому царю с выражением «верноподданнических чувств» и горячего пожелания побед русскому оружию... на славу обожаемого монарха...».

И вдруг события потекли совсем по другому руслу.

Из сел на барнаульский сборный пункт медленно ползли обозы с призывниками.

19 июля 1914 года в село Павловское по трем трактовым дорогам съехались свыше трех тысяч призывников. В ожидании подвода говорили разное.

— Чего сидим, сложа руки?

— От скуки века не доживешь...

И тут чей-то голос, будто искра на порох:

— Куда только гонят... Дома у кого невеста, у кого семья, и работы прора!

— А что, не поедем, и крышка!

— По домам, мужики, по домам!

И прежде, чем войска с полицией восстановили «порядок», призывники разгромили и сожгли дом волостного правления, контору лесничества, винную лавку.

Через день такое же произошло в Бутырках, Мормышах, Ключках. В селе Шахи для острастки избили полицейского урядника и волостного старшину.

Барнаульский уездный исправник Григорьев в течение шести дней восемнадцать раз телеграфировал о крупных волнениях призывников. Упоминались и пункты волнений — села Медведовское, Камень, Юдиха, Шелаболиха, Тюменцево, Панкрушиха, Крутиха, Ключки, Ярки и другие.

А особенно большие события произошли в Барнауле. Здесь скопились тысячи призывников. Тот же исправник доносил томскому губернатору: «По мере прибытия и скопления в городе чинов запаса замечалось их возбужденное настроение...».

Исправник оказался тонким провидцем. 22 июля толпы призывников, по несключке сот человек каждая, появились в разных местах города. Трагические события брали начало от винного склада. Здесь дорогу новобранцам преградили отряд солдат с офицером и полицейским надзирателем. Посылалась команда: «Заряди ружья!» По толпе прокатился гул. В солдат полетели камни, поленья. Они не решились стрелять и разбежались. На место стычки явились уездный исправник, прокурор, начальник жандармского управления ротмистр Назаревский.

Жандарм вел себя надменно.

— Расходитесь, не медля ни минуты! — приказал он.

Когда толпа, как бы в замешательстве, задержалась на какое-то

время, ротмистр допустил непоправимую ошибку. В его руках холодно и угрожающе блеснул револьвер.

— А-а-а, стрелять надумал, ваше благородие!

Сзади незаметно, по-кошачьи подкрался призывник. Тяжелый удар по голове четвертной бутылкой с водкой поверг ротмистра на землю.

— Пра-а-вилю! Так его!

— Поддать еще горячего!

Десятки кулаков опустились на ротмистра. Жандарм чудом спасся от гибели.

М. К. ЦАПЛИН.

А толпа бурлила, классовая ненависть выливалась наружу и требовала действий.

— Братцы! Разнесем тюрьму!

— Свободу узникам!

Людская лавина хлынула к тюрьме. Но каменное здание оказалось неприступным. Тогда толпа, ища применение силе, покатила по улицам города. Заклубился дым, поднялось черно-багровое зарево. Горели торговые заведения именитых купцов Морозовых, Второвых, Смирнова, пристанские пакгаузы, дома масляной компании на Луговых улицах.

Тридцать два здания пожрал огонь, миллионы убытки понесли барнаульские купцы-толстосумы.

Прибывшие войска открыли гу-

бительный огонь. Десять новобранцев были убиты, сто два ранены.

24 июля исправник оптимистически доносил: «В данное время порядок и безопасность в городе возмочно считать установившимися...».

Полицейский порядок — одно понятие, а отношение простого люда к войне «за веру, царя и отечество» — понятие совершенно другое.

4.

Сибирякам-алтайцам не занимать храбрости и отваги. На фронте дрались самоотверженно. Некоторые становились полными Георгиевскими кавалерами, но больше погибали на полях сражений или тяжело ранеными возвращались домой доживать свою горькую нищету жизнь.

Летом 1916 года по ранению вернулся в Барнаул большевик Иосиф Решетников.

Почти год назад здесь возроди-

таторов и эксплуатируемых. Есть одна дружная семья народов. Воскресите в памяти одну из картин весеннего половодья. Вода затопляла острова. На нем стечением обстоятельств заброшены волы и теленок. Волк голоден, но равнодушен к теленку. Почему? Тот и другой заняты одними помыслами о спасении. Это непреложная истина...

— Но они заняты каждый для себя, а не действуют сообща, — вставил большевик Архип Селезнев.

Казанцев прищурил глаза. В их взгляде насмешка и презрение.

— Мы проповедуем классовый мир во имя защиты многострадального отечества и победы над врагом! Обратите взгляд в историю, если вы знакомы с ней. Разве примеры Су-санина, Минина, старости Вис-сиды — не подтверждение наших утверждений?..

Тогда порывисто встал с места, закипая, Решетников. С рукой на деревязи он бросил слова неумолимой и колочей правды:

— Рабочему и крестьянину такая война ничего не принесит, кроме смерти и страданий!

К этому времени в Барнауле появился новый большевик — Матвей Константинович Цаплин. У него большая партийная биография. Членом Ленинской партии он стал в 1905 году. Когда грянули раскаты грома первой русской революции, Цаплин работал в Шуге и Иваново-Вознесенске вместе с М. В. Фрунзе, получал от него указания. Затем долгие годы ссылки вместе с Я. М. Свердловым. Холодная, непримиримая Сибирь не сломила, а закалила Цаплина. Находясь под гласным надзором полиции, он оставался все тем же убежденным большевиком. В Томске он окончил мезевые курсы и в 1916 году приехал техником в управление Алтайского округа.

Когда брал слово Цаплин, меньшевики замолкали — видели в нем достойного и сильного противника.

— Товарищ Решетников более чем прав, — говорил Цаплин, — но я дополню его. Мы тоже за отечество, но не Романовых и их приспешников. Мы — за отечество, свободное от эксплуататоров!..

— Где оно, ваше отечество?..

Визг меньшевика Спекторского перебил спокойный и уверенный голос Цаплина:

— Его нет еще, но оно будет!..

С твердой верой в силы народные или большевики к рабочим-пимокатам, строителям, водникам, железнодорожникам, шубникам, металлистам. Возникали подпольные революционные кружки. Жизнь опровергала гнилую меньшевистскую формулу о так называемом классовом мире.

Удорожание жизни, вызванное войной, неисчислимы жертвы на фронте усиливали недовольство народа существующим строем.

Пришло отступить и озверевшим красноречием, которые проникли со словами «умиротворения» в деревню. Революционные настроения алтайских крестьян неуклонно нарастали. Крестьяне снова начинали распоряжаться по собственному усмотрению землей и лесом.

Громче зазвучали голоса женщин-солдаток против проклятой войны.

Во всем чувствовалось приближение неотвратимого краха прогнившего паразита.